

НЕСТИХАЮЩАЯ ПАМЯТЬ

Удивительное явление — Егор Исаев. Начать с того хотя бы, что он пишет только поэмы. По сути он автор двух поэм (есть еще одна, ранняя, но та совсем другое, она послужила лишь площадкой для предварительного разговора). Исаев пишет свои поэмы годами — одну шесть лет, другую вдвое дольше. Да еще с трехгодичным перерывом между ними. Как он удерживается, чтобы не писать лирики?

Впрочем, когда-то он писал и стихи, и лет тридцать назад, еще в Литературном институте, помню, советовался со мной по поводу своего нового стихотворения. Потом он стихи оставил.

Им овладела не отпускающая ни на миг страстная потребность написать именно поэму, поэму о войне, вернее, против войны — о всечасной и неутомимой ответственности каждого человека перед человечеством. Он еще не знал, как к ней подступиться. Но поэма уже мучила его, и он начал рассказывать свой замысел многим. Исаевскому, Паустовскому. Я тоже слышал в помещении одной из редакций его развернутое изображение будущей поэмы, живое, со свойственными ему экспрессией, мимикой, жестиком.

Он говорил, словно пересказывал уже написанное. Зачем это ему было нужно? Видимо, он проверял себя, добавлял себе уверенности, и, главное, после каждого раза сюжет приобретал нечто новое, обрстал тканью, мышцами. Естественно, когда Исаев начал непосредственно писать свою вещь, многое в ее канве еще не раз менялось — самим стихом. Тициан Табидзе сказал: «Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут меня...» То есть не только художник создает произведение, но и оно одновременно создает и формирует его личность. Так произошло и здесь. Появилась поэма «Суд памяти».

С новой поэмой ему было трудней, и легче. Трудней, потому что нужно было написать вещь сильнее предыдущей, и вообще не так, — иначе это не имело смысла, а легче, потому что автор приобрел ни с чем не сравнимый жизненный и художественный опыт, достиг зрелости.

«Даль памяти» — поэма более ранняя по времени действия, но более поздняя по времени написания.

О чем она? О жизни. О земле. Это гимн земле, народу, труду. Гимн земле и железу. Поскольку на селе «чуть ли не по батюшке зовут вершковый гвоздь», поскольку трактор — «сродственник коню». О кровной, логической, диалектической связи всего этого. О дороге — в широком, философском понимании, дороге на «извечном перетоке земли и неба, мысли и души». Любопытно, что этот тер-

мин — «перетекает» — постоянно употребляют живописцы, объясняя свои и чужие картины.

Поэма именно живописна, ощутима, зрима, наполнена красками, звуками и запахами. Детство, змея с плоской, как пуговица, головкой, степная, лопухая тайга подсолнухов, в другом месте это — «сезонные леса» — тоже очень точно, оглаженная сталь кося. отбитая и отточенная, «она — как вся на выданье — кося». «Покос не просто заготовка сена». Посвящение косябой в мужики и в женихи тоже. Косьба «под ноль» — как стрижка перед армией, о чем прямо не говорится. Главная формула сенокоса —

И кто кого:
Трава тебя повалит
Иль ты траву.

И отголосок сенокоса, как воспоминание, зимой, когда «сенцо подвеселит снега».

Множество ярких картин, не иллюстраций, а частиц самого потока поэмы, ее стремнины. Детали народной жизни, труда, бытовых подробностей. Уж, казалось бы, как описана и воспева в нашей поэзии гармония, а здесь новое, и в разных оттенках. Гармонист такой, что «ни одного развода на сорок свадеб, а зато детей...» Замечателен образ костра в степи или истопки, когда муж везет жену рожать, но снесет мост, ледоход, половодье. С болью, с шуткой. И — к месту! — о коне. Конь по распутице идет, «как босиком». Или: «он до свету еще уздой умылся, поводом утерся». Или: идут возы, груженные «до жалобы в осях». Не лошади жалуются — возы... А война, призыв, слезы, и вдруг поразительная строка: «И лошади ушли, что помолоче». В ней тоже народная трагедия войны. И на самой войне черный вражеский танк «весь наш взвод... с окопом вместе за бруствер, как за шиворот, берет». Так пишет Исаев.

И опять — довоенная жизнь. Прекрасно переданное ощущение границы, гордости и тревоги. Да и немудреная отцовская шутка: «Показать Москву?» — и та исполнена смысла. И все это с улыбкой, но и серьезно, помня, что будет впереди. И соловей «даст дрозда» — не в авторской, разумеется, речи, а в речи персонажа.

Жизнь деревни в ежедневном труде и празднике — причем празднике тоже ежедневном, ибо это праздник души.

Нельзя не сказать о главах поэмы, несущих образ аллегорический. «Кремень-слеза» — гипербола и реалистическое обобщение, символ народного страдания и веры. В ней бабья доля и мужская судьба, в ней история — бунты, войны, революции, победы, жертвы и утраты. То же — три гака. Развернутый образ.

Всякий, кому доводилось много ходить по земле, да еще с нелегкой поклажей, знает, что это такое. Дополнительные, непредвиденные жизненные трудности, внутренняя необходимость их преодоления. И, наконец, еж («но как же без ежа?») — это человеческая совесть, мудрый тормоз, который тем нужнее, чем стремительней движение.

Для написанной пятистопным ямбом поэмы «Даль памяти» характерен ее разгон. То, что в прозе называют длинными периодами. Из поэмы трудно выделить отдельные стихотворения, что бывает редко. Это единый порыв, поток, ствол. Орудийный или шахтный. А скорее, это живой древесный ствол. От него отходят крупные ветви, от них поменьше, от тех — крохотные веточки с почками, потом листвою. И все это накрепко связано между собой и с корневой системой. И с почвой.

В поэме множество как бы комментариев, отступлений, рассказов в рассказе, а в следующем опять, — как матрешка в матрешке. Немало загадок с ответами-перевертышами, как в детской книжке, — нужно только догадаться увидеть, — и с прямыми ответами, и без таковых. Желание докопаться до этимологической основы слова. Раскованность стиха. Видно, что от своей нелегкой работы автор получает прежде всего радость — как от крестьянского труда.

Написанное поэтом увидено и услышано в жизни, прожив в ней. Но, разумеется, есть и живые переключки с наиболее близкими звеньями родной поэзии. Не случайно, мне думается, что оба слова названия по отдельности были столь близки и дороги Твардовскому.

В поэме действуют различные персонажи. Однако главный герой не назван по имени. Кто он? Может быть, сам автор? Как бы там ни было, ему свойственны обязательные выходы на свой же старший след, но не потому, что он заблудился и его кружит по степи, как в том метельном гаке, а потому, что он хочет еще раз увидеть, понять, запомнить. В начале поэмы и в начале жизни мать зовет его вечером: — Домой!.. и сейчас, на волне (одно из любимейших слов поэта) жизни, поэмы, счастливого завершения замысла, он слышит тот же дорогой голос: — Домой!.. Домой!.. — и признается:

А я всю жизнь из дому.

Словно выдох после глубокого вдоха.

И совершенно неважно, деревня это или город. Сказать так о себе с полным правом могли бы очень многие.

Константин ВАНШЕНКИН.

5 МАР 1980

ПРАВДА
МОСКВА